

УДК 165.1

А.З. Черняк

ЗНАНИЕ КАК ФУНКЦИЯ*

Исследуется философская проблема определения знания. Разногласия с определением знания связаны с расхождением в целях и идеологиях исследовательских программ эпистемологии. Но вопрос о том, что мы знаем, может быть решен без решения вопроса о природе знания. Такой подход в эпистемологии соответствует общему функционализму, который предусматривает, что знание определяют не характеристики лингвистических, психологических, социальных и других форм, в которых знания могут быть нам даны, а функции, обычно выполняемые знаниями и, как следствие, свойства, характеризующие выполнимость соответствующей функции в данных условиях. Определение функций знания, в свою очередь, сталкивается с трудностями, которые также исследуются в статье. Главная среди них – релятивизация понятия знания. Проблема определения знания, таким образом, не может быть решена без расстановки эпистемологических приоритетов.

Ключевые слова: знание, познание, эпистемология, функция, функционализм, релятивизм.

Определение знания как философская проблема

В каких формах знание существует и функционирует в мире? По этому вопросу нет согласия даже среди эпистемологов – тех, кто непосредственно занимается изучением знания¹. Две полярные точки зрения по данному вопросу отождествляют знания, соответственно, с предложениями и теориями или с убеждениями, верованиями и т.п.² В первом случае знание лишается связи с реальными субъектами и процессом познания. Кроме того, обычно, говоря, что знание заключено в предложении, под этим понимают, что предложение делает знанием его значение и, особенно, его истинность; но может ли предложение быть истинным совершенно объективно, т.е. независимо от какого-либо вообще контекста, в котором оно было произведено, удостоверено и принято крайне сомнительно, и если даже какие-то предложения таковы, для многих претендентов на выражение знания это условие явно не выполнимо. Во втором случае определение знания оказывается слишком размытым. Даже если под верой понимается не психологическое состояние, а диспозиция – обычно согласие с предложением или готовность действовать в соответствии с ним, это не решает проблемы, а лишь освобож-

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 09-03-00624а.

¹ Эта и другие проблемы определения знания были рассмотрены, в частности, в статье А.Л. Никифорова [1] и в дискуссии вокруг нее. Проведенное обсуждение продемонстрировало, что даже в рамках эпистемологии нет единого подхода к пониманию знания и даже к тому, какого рода данные могут свидетельствовать о знании – психологические, лингвистические, социальные, биологические или какие-то еще.

² Так, весьма распространенное выражение этого подхода отождествляет знание с истинным мнением или верованием, обладающим особым свойством достоверности или обоснованности; в качестве источника такого подхода часто указывают *Тезет* Платона [2. Т. 2. С. 305]; хотя Платон не отождествляет знание с правильным мнением и его объяснением, это предложение, судя по всему, выражает распространенную точку зрения. См. также [3. Р. 9; 4. Р. 47].

дает его от некоторых неясностей, традиционно порождаемых психологическим дискурсом.

Человеческое поведение может демонстрировать противоречивые тенденции, которые, соответственно, трудно сопоставить какой-то одной диспозиции. Например, кто-то может считать, что не верит, что p , потому что всякий раз, когда задумывается над этим, приходит к выводу, что у него больше оснований не верить в p , чем верить. Но при этом, когда тот же индивид не задумывается над этим, он может в некоторых аспектах вести себя так, как будто считает, что p имеет место. Как описывать такую ситуацию: как наличие веры, что p , как ее отсутствие или как свидетельство недвусмысленности веры (в этом случае – как наличие какой-то степени доверия к p)? Сомневаюсь, что даже сам субъект такого поведения не испытал бы трудностей при ответе на этот вопрос. В самом деле, легко признать, что наличие обоснования существенно для знания, но важнее ли оно для приписывания веры, что p , чем практика индивидуального (и коллективного) взаимодействия с p ? Поскольку известны случаи веры, не подкрепленной обоснованием³, то вряд ли правильно будет отказать в рассмотренном случае в наличии у субъекта веры в p , если то, какие практические следствия неявного ответа на вопрос « P или не p ?» он обнаруживает своим поведением, действительно противоречит тому, что он думает об основательности верить, что p , рассуждая абстрактно.

Если же говорить о знании как о какой-то степени доверия к истинности какого-то утверждения или существования чего-либо, то это лишит смысла абсолютное понятие знания: знать что-то тогда можно будет только в какой-то степени, определяемой степенью доверия. Но в таком случае любую, даже ничтожную, степень доверия можно будет трактовать как знание. Поскольку далеко не все с этим готовы согласиться, этот шаг требует серьезного обоснования. Если все же сохранить абсолютное понятие знания, то его надо как-то вывести из относительного. Если практические следствия неявного решения теоретического вопроса можно поделить на поддерживающие p и не поддерживающие p , то какой именно пропорции этих следствий, демонстрируемой в поведении, достаточно для приписывания той степени доверия к p , которая может соответствовать знанию, что p , в абсолютном смысле? Сколько, иначе говоря, поддерживающих практических следствий должно демонстрировать поведение по отношению к не поддерживающим? И как именно поддержка p должна проявляться в поведении – в каком объеме случаев, с какой частотой и т.д.?

Но почему надо определять знание в терминах той или иной общей формы? Не только теория, но и практика указывает на то, что под знаниями мы можем подразумевать (и нередко подразумеваем) разные вещи: как теории, так и, например, практические навыки. Тем не менее, даже признавая различные формы знания, теории обычно предписывают считать приоритетной

³ Хотя можно спорить о том, не являются ли все такие веры подкрепленными неким практическим силлогизмом, соображениями удобства, долга, морали, конъюнктуры и т.п., так же спорно, являются ли эти соображения адекватными формами обоснования.

какую-то одну. Понимание природы этого явления дает анализ мотивов определения знания.

Хотя люди и теории используют понятие знания, вопрос о принципах и методологии его определения ставится редко: разные исследовательские программы просто исходят из разных, удобных им определений знания⁴. Легко предположить, что мотивы определения зависят от целей исследовательской программы. Если основная цель изучения знания состоит, например, в выяснении условий истинности предложений, утверждающих, что кто-то знает что-то и т.п., то, если под истиной понимается соответствие реальности, при таком подходе наличие у людей индивидуальных знаний и, соответственно, неких форм, в которых эти знания воплощены и носителями которых могут быть люди, предполагается. Индивидуальные знания в этом случае, можно сказать, являются онтологическим обязательством теории.

Философ науки, в свою очередь, может обойтись без этого обязательства, так как его, прежде всего, интересует критерий демаркации верифицированных предложений науки, т.е. ответ на вопросы: «Какие теории истинны?» и «Как судить об истинности теории?». И если истинность предложения не сводится к его признанию истинным, то нет нужды в этом случае включать в класс, по крайней мере, научных знаний что-либо, кроме лингвистических или логических конструкций – предложений и теорий, истинность которых верифицирована. Социолог знания пытается выявить социальную подоплеку решений и действий, конституирующих познание; поэтому его определение знания обязательно должно включать какие-то социальные характеристики. Есть, по меньшей мере, две точки зрения на основную задачу эпистемологии (по крайней мере, среди англоязычных авторов): одни формулируют задачу как выяснение общих условий знания и определение объема имеющихся знаний [2. Т. 2. С. 230], другие – как ответ на вопрос «Что следует считать существующим?» или, иначе: «Во что разумно верить?» [5. Р. 69]. Понятно, что вторая трактовка больше обязывает рассматривать верования и индивидуальные отношения к предмету познания как формы знания, чем первая.

Но насколько важно, чтобы знание имело какую-то определенную форму? Почему, например, какая-то степень обоснованного доверия к истине (утверждению, являющемуся объективно истинным или истинность которого верифицирована⁵) или какая-то форма признания истины должна иметь более определяющее отношение к знанию этой истины, чем другие формы, посредством которых она может или могла бы аналогичным образом взаимодействовать с субъектом?

Конечно, можно указать на то, что то или иное есть исторически сложившаяся форма знания, но мы не можем этого знать, пока не определили понятие знания; а то, что к одним формам фиксации данных мы прибегаем в

⁴ Эту практику поддерживают и энциклопедические издания: статьи «Знание» в них обычно начинаются с определения.

⁵ Чтобы не вдаваться в детали, я предлагаю под обоснованием здесь подразумевать индивидуальные основания, а под верифицированностью – результат коллективных усилий, реальных или возможных.

познании чаще, чем к другим, может быть обусловлено спецификой исторического развития, да и просто цепочкой совпадений.

Понятие знания, возможно, введено философами, но аналогичные понятия существуют в естественных языках: это наводит на мысль, что людям, возможно, свойственно нуждаться в том, чтобы отличать знания от других вещей в мире, хотя вроде бы можно представить себе общество, не использующее понятие знания. Однако даже в этом случае содержание философского понятия знания не обязательно должно обобщать значения соответствующих понятий в естественных языках и, соответственно, отвечать каким-то естественным нуждам людей. С другой стороны, оно не обязано учитывать все различия, которые можно зафиксировать, исследуя значения соответствующих понятий в естественных языках. В самом деле, мы не можем быть совершенно уверены, что никто, кроме людей, не может быть субъектом познания, а также – что никакие семантические характеристики понятий в естественных языках не являются следствиями таких особенностей их употребления, которые отвечают лишь тем или иным практическим нуждам (например, обеспечивают удобство выражения), но не нуждам познания. И если даже неоспоримо установлено, что «*x* знает *y*» в языке *K* значит, что *x* признает истинным предложение, которое можно считать описанием *y* в этом языке, истинность предложения может свидетельствовать о знании в эпистемологическом смысле, а не в смысле уместности использования слова «знает» в соответствующем высказывании в *K*, только если знание уже определено как тем или иным образом связанное с истинностью предложений.

Цели познания

Один известный путь устранения разногласий по вопросам общей формы или структуры предмета изучения – *релятивизация* понятия об этом предмете. В этом случае утверждается, что референт понятия знания определяется обстоятельствами или, иначе, контекстом – например, действующими нормами и стандартами обоснования истины или социальными условиями признания теорий и т.п. Но релятивист относительно значения понятия знания или относительно содержания знаний не обязательно должен быть еще и релятивистом относительно формы или допустимой вариации форм знания: он может, например, признавать, что одно и то же предложение может выражать знание в одном случае и не выражать в другом, но не отказываться от мысли, что то, что он имеет в виду под знанием, должно иметь форму предложения. Собственно релятивизм относительно формы знания нуждается в существенном теоретическом дополнении, иначе из него может следовать простое отсутствие четкого критерия демаркации между более и менее подходящими на роль знаний способами фиксации мыслей и данных. Одно из наиболее распространенных дополнений такого рода предлагает телеологическая концепция знания, согласно которой определяющим для знания является соответствие некой конечной цели познавательной деятельности.

Самая общая концепция конечной цели познания, представленная в большинстве теорий знания, утверждает, что познание состоит в установлении объективной истины или, иначе, того, как обстоят дела на самом деле, какие бы другие задачи ни решал при этом субъект, и что, соответственно,

знание существенным образом связано с истиной⁶. Иногда этот подход называют *веритистским*.

Хотя истинность как необходимое условие знания прямо следует из веритизма (что накладывает и определенные обязательства на формальные концепции знания, так как знание должно иметь форму, которая *может* быть носителем истинностных свойств), все же, как показывает история эпистемологии, веритизм совместим с разными формальными концепциями знания. Конечно, приписывать истинность верованиям может быть неправильно с логической точки зрения, и, следовательно, логические формы лучше подходят на роль знаний при веритистской трактовке понятия знания. Но сущности других видов могут при желании трактоваться как носители истинностных свойств в каком-то менее строгом или производном смысле. А такое желание есть, как показывает хотя бы то обстоятельство, что многие веритистские теории знания сохраняют определения знания, предписывающие им форму индивидуальных верований или диспозиций.

Позиция, альтернативная веритизму, представлена целым спектром различных концепций, характеризующихся приписыванием знаниям исключительно инструментальной ценности: познание с этой точки зрения полностью подчинено практическим интересам и что является знанием, определяется успехами в решении соответствующих практических задач. Совершенно очевидно, что поскольку наши практические приоритеты могут меняться в зависимости от изменений условий жизни, изменчивыми с этой точки зрения должны быть и роли, приписываемые знаниям; и так как форма, лучше других подходящая для выполнения одной роли, может плохо подходить для выполнения другой, ничто в этом случае не гарантирует, что знаниями всегда являются одни и те же виды вещей в мире и что, соответственно, есть единое понятие знания. Обычно, правда, теории такого вида приписывают знаниям инструментальный смысл относительно каких-то *определенных*, а не каких угодно текущих практических задач или интересов. Однако при таком подходе выбор того или иного типа практической ценности в качестве определяющей для знания выглядит произвольным и также нуждается в обосновании.

С другой стороны, некоторые веритистские концепции сами являются достаточно релятивистскими: а именно допускают, что разные принципы обоснования, когнитивные системы, психологические свойства, социальные условия и т.п. могут быть в разных обстоятельствах эффективными инструментами знания, и то, что подходит для одних условий, может не годиться для других [6].

Несмотря на существенные различия между этими видами теорий, в обоих случаях сохраняются определенные обязательства, касающиеся допустимых форм знания. С другой стороны, известно, что знания могут играть и играют разные роли в жизни сообществ и отдельных индивидов: от источника новых знаний и условия социального прогресса до одной из причин пессимизма, психоза и суицида. Если человек не единственный субъект позна-

⁶ Для описания этой связи используют разные термины, но чаще всего говорят, что знание выражает или отражает истину.

ния, то этот список, вероятно, будет еще шире. В принципе каждую такую роль можно трактовать как существенную функцию знания, т.е. такую, которую следует учитывать при его телеологическом определении. Но здравый смысл подсказывает, что не все эти роли одинаково важны: более того, от некоторых, может быть, неплохо было бы даже избавиться. Однако телеологии знания решают задачу определения существенной функции знания нормативно⁷, фактически перенося разногласия о природе знания на новый уровень.

Принято считать, что два вопроса: «Что мы знаем или, скорее всего, знаем?» и «Что вообще такое знание?» неразрывно связаны друг с другом так, что ответить на первый можно, только ответив на второй⁸. Однако есть исследовательские программы, использующие понятие знания, но не требующие его определения. Так, например, Д. Льюис и другие определяют социальную и языковую конвенцию как общее знание, не определяя, что такое знание вообще [8. Р. 56]. Может это дать какое-то представление о том, что мы знаем? Отчасти да: если можно идентифицировать существующие конвенции, то соответствующие им составляющие должны быть общими знаниями, и *a fortiori* знаниями. Эта теория не содержит ни достаточного, ни необходимого условия знания, а лишь условие, при котором индивидуальное знание, чем бы оно ни было, является частью общего знания⁹; но этого может быть вполне достаточно для частичного понимания состава наших знаний. То же самое, вероятно, можно сказать и о вкладе в решение рассматриваемого вопроса некоторых других исследовательских программ, которые избегают определения знания вообще.

Вывод, который я хотел бы сделать из вышесказанного, следующий: вопрос о том, что мы знаем или, скорее всего, знаем, все же может быть решен (разве что не окончательно) без решения вопроса о природе знания, который, в конечном счете, решается нормативно.

То, как используется понятие знания в исследовании конвенции, ближе всего к функциональному анализу этого понятия. Первоначально выделяется определенная функция знания – в данном случае, быть частью или источником общего знания и, соответственно, социальных и языковых конвенций. Те индивидуальные верования или иные формы фиксации информации, которые фактически всегда или чаще всего имеют место, когда имеют место общие знания, опознаются как лучшие кандидаты на роль знаний, если данный анализ общего знания в принципе верен¹⁰. И если индивидуальное верование или иная форма фиксации информации удовлетворяет условию, достаточному для общего знания, но не годится на роль знания по каким-то другим признакам, оправданность нормативного предпочтения этих признаков как определяющих знание будет в рамках такого анализа зависеть от того,

⁷ Разумеется, это не означает отсутствие аргументации: просто ни один аргумент нельзя назвать решающим в сопоставлении с контраргументами противоположной стороны.

⁸ Имеется в виду определенная очевидность такого взгляда; но он, конечно, нашел свое выражение и в философском анализе знания, прежде всего в [7. Р. 120f].

⁹ Правда, этим все же подразумевается, что у знания должна быть форма, пригодная для индивидуального использования.

¹⁰ Я не утверждаю, что он обязательно верен.

насколько выполнение соответствующей функции в данном сообществе или данной популяции зависит от существования и распространенности именно этой формы фиксации информации. Таким образом, функционализм допускает признание любой формы фиксации информации X знанием в популяции P , если только есть такая эпистемическая функция F , выполнение которой в P обеспечивается главным образом или в основном посредством X .

Естественно, сразу возникает вопрос, какие функции считать *эпистемическими*? И не столкнется ли решение этого вопроса с той же проблемой разногласий, решаемых нормативно, что и решение вопроса о природе знания? В приведенной иллюстрации за эпистемический статус выделенной функции отвечает значение конечного результата, а именно что это – общее знание; интуитивно достаточно очевидно, почему конституирование общего знания – прежде всего эпистемическая, а уж затем, какая угодно еще функция. Но взятые за основу исследовательские программы могут ошибочно обнаруживать эпистемические функции там, где их нет; а сформулировать общее определение эпистемической функции не так-то просто. И, конечно, из того обстоятельства, что знанию предписана некая функция, еще не следует, что другие существенные характеристики знания должны быть выводимы из этого предписания.

Общий функционализм относительно знания

Но если «вынести за скобки» метафизические предпочтения и онтологические обязательства исследовательских программ, последовательный функционалист относительно знания не обязан, мне кажется, поддерживать какую-то определенную формальную концепцию знания. Эту позицию можно назвать *общим функционализмом* относительно знания. С этой точки зрения знание есть, прежде всего, функция, отвечающая эпистемическим нуждам системы, которой может быть, очевидно, любой субъект познания: в интересующем нас случае это, скорее всего, человек, сообщество или социальная организация. Не важно, как предмет знания репрезентирован в системе: верованием, состоянием сознания, диспозицией или теорией, моделью, стихом, картинкой или как-то иначе; знанием его сделают, согласно рассматриваемому подходу, не существенные характеристики способа репрезентации, а необходимые или приоритетные для выполнения данной функции свойства позиции, которую субъект занимает в отношении предмета, а именно – совокупность доступных ему данных о нем и используемых им принципов их поиска и организации. Эту позицию уместно называть *эпистемической позицией* субъекта в отношении того или иного предмета независимо от того, определена ли соответствующая функция как эпистемическая – просто потому, что наличие данных о предмете и способности взаимодействовать с ними, соответствующих тому, что мы обычно понимаем под их обработкой, т.е. дающих в результате какую-то информацию о предмете, зафиксированную в той или иной форме, является необходимым условием познания при прочих равных¹¹.

¹¹ Это не значит, что знания не должны отличаться от умений, навыков и т.п. Теоретические знания, как правило, все же представлены определенными формами, которые обычно –

Для иллюстрации представим себе студента на экзамене, которому надо ответить на вопрос «Р?». Он выучил ответ, используя лекции другого студента, и у него нет других данных, которые свидетельствовали бы в пользу предпочтения какого-то определенного ответа на вопрос, т.е. никакого собственного обоснования. Тем не менее он знает правильный ответ и, несмотря на то, что не уверен в себе, в своем знании предмета и в надежности использованного источника информации он предпочитает ответить «Р», чем отказаться отвечать. Поскольку ответ правильный, он получает подтверждение этому от надежного источника – преподавателя. Теперь он может быть уверен, что знает правильный ответ на вопрос «Р?»; это, однако, вовсе не обязательно изменит его отношение к фактам Р и –Р: он может понимать, что имеющихся у него данных и того обоснования, которое он может привести в пользу Р, не достаточно для того, чтобы считать истинным «Р», а «–Р» ложным. Тем не менее может так случиться, что по тем или иным причинам он не сумеет пополнить свой запас свидетельств и аргументов по данному вопросу, а следовательно, рассеять сомнения или хотя бы просто увеличить свое доверие к утверждению «Р». Но поскольку он обоснованно уверен, что «Р» – правильный ответ на вопрос «Р?», он может сохранить этот способ действия и использовать его в будущем в сходных ситуациях.

Хотя его обоснование факта и методология изучения предмета весьма слабые даже с его собственной точки зрения, его эпистемическая позиция в отношении предмета, описываемого вопросом «Р?», достаточно хороша для того, чтобы он мог успешно решать (в нормальных обстоятельствах) задачу правильного ответа на данный вопрос. Она, можно сказать, позволяет ему быть правым по этому вопросу, какой бы ущербной она ни была в иных отношениях.

Но указанная эпистемическая позиция может быть уж очень слабой в иных отношениях, также интуитивно имеющих значение для познания, чтобы говорить о полученных на ней результатах даже с точки зрения здравого смысла, а не только относительно предпочтений эпистемолога, выраженных в предлагаемых им необходимых условиях знания¹². И, как уже было сказано, задача, которую субъект способен решать в этой позиции без необходимости ее улучшения, может не принадлежать к числу эпистемических задач¹³.

так сложилось – нужны для их успешного функционирования; но грамматика и даже логика, встроенная в эти формы, не существенна для их бытия носителями знания с точки зрения функционального анализа. Если бы люди могли общаться телепатически, возможно, теоретические знания имели бы другие носители – какие-нибудь гештальты например. Далее, называть практические умения, навыки и прочее знаниями наряду с теоретическими знаниями или называть их другим словом, выделять два вида знаний или не проводить этого различия – вопросы языковых конвенций.

¹² Если, например, ее характеризуют вместе обоснованное сомнение самого субъекта, недостаточная обоснованность его предпочтения «Р» «–Р», ненадежность его метода получения ответа и неспособность дать правильные ответы на смежные и аналогичные вопросы, а также предоставить другому правильную информацию о предмете.

¹³ Вроде бы это странно: ведь он знает правильный ответ и даже, можно сказать, как обстоят дела на самом деле в данном вопросе; это, как минимум, означает, что он приобрел новую информацию о мире, совершил познавательный прогресс. В таком минимальном смысле

Что касается сомнений первого вида, то если не брать на себя обязательств объяснить все возможные пограничные случаи, достаточно будет указать на то, что если и может быть так, чтобы эпистемическая позиция, позволяющая решать какую-то одну эпистемическую задачу, была настолько слаба во всех остальных релевантных отношениях, как это предполагается в данном возражении, то это явно достаточно редкая ситуация и обычно так не бывает. Сомнения второго вида выглядят куда более серьезными.

В самом деле, обладает ли способность правильно ответить на вопрос сама по себе какой-то эпистемической ценностью, чтобы можно было отождествлять обладание этой способностью с решением именно эпистемической, а не только какой-то практической задачи, если оставить в стороне специфические цели исследования, в рамках которого решается этот вопрос? По крайней мере, здравый смысл подсказывает, что уместно требовать от субъекта способности решать не одну конкретную задачу, а некий комплекс взаимосвязанных задач, включающих ответы на близкие по теме вопросы, указание источников релевантных данных, обоснование, наконец, критику и поиск способов улучшения своей эпистемической позиции. Как часть некоего комплекса задач, возможно, любая задача может иметь познавательную ценность. В этом случае постановка одной задачи (если она поставлена всерьез) может рассматриваться как постановка (явная или латентная) всей совокупности задач, и решение любой из них – как имеющее значение для постановки или решения всех остальных. Можно назвать это условием *системности* целеполагания.

Тогда, поскольку каждое успешное решение поставленной задачи, если оно не имеет своим следствием снижение способности решать какую-то другую задачу из данного комплекса, как минимум усиливает основания субъекта в дальнейшем в аналогичных условиях решать ее подобным же образом (т.е. сохранить свою эпистемическую позицию), его уместно трактовать как эпистемическое достижение относительно данного комплекса задач, независимо от того, насколько несовершенный с точки зрения теории метод познания был использован и в какой форме представлены результаты. В самом деле, убедившись, что ответ «Р» правильный, субъект обычно тем самым получает возможность предоставить некую дополнительную по сравнению с той, что у него изначально имелась, информацию о предмете другому, увереннее действовать в обстоятельствах, где требуется полагаться на одно из мнений «Р» или «-Р», наконец, он получает дополнительное основание считать, что на самом деле имеет место «Р», а не «-Р».

Уместно предположить, что для разных субъектов и типов субъектов условие системности целеполагания выполнимо и выполняется в разной степени и по-разному в разных обстоятельствах; так что вряд ли можно рассчитывать на то, что всякий раз, достигая успеха в решении какой-то задачи, которая выглядит как часть некоего комплекса задач, вместе обладающих

это, конечно, эпистемическая задача (и я сам так думаю); но, с другой стороны, если он использует эту информацию только для получения признания, чтобы избежать санкций, а не ошибки самой по себе, это все же другой тип задач. К тому же речь идет не о решении данной конкретной задачи, а о функционалистской модели знания в целом.

неоспоримой эпистемической ценностью, субъект совершает эпистемическое достижение относительно именно этого комплекса задач. Но, в конце концов, насколько условие системности выполняется для конкретного субъекта или типа субъектов и с каким именно комплексом задач следует соотносить те или иные фактические достижения, можно надеяться выяснить обычным эмпирическим путем.

Функции знания в конкретных условиях определяются тем, какие комплексы задач действительно требуют систематического решения данным субъектом: вряд ли кто-то станет с этим особенно спорить, так же, как и с тем, что, как правило, чем больше задач, требующих взаимодействия с неким предметом x или относящихся к x , субъект способен решать, тем больше оснований приписывать ему знание этого предмета. Специфика рассматриваемого подхода состоит в том, что если знание определено как функция, то поскольку способность субъекта решать задачи, относящиеся к x , существенным образом зависит от его эпистемической позиции в отношении x , и не так сильно зависит от его оснований судить об x , способов получения информации об x , форме репрезентации x и т.п., под знанием субъектом x уместно понимать саму эту эпистемическую позицию¹⁴. Разумеется, такое знание у субъектов с ограниченными ресурсами может быть только относительным.

Другим видом эпистемических достижений, на который следует здесь обратить внимание, является улучшение способности субъекта (методики, доступа к данным и т.п.) решать любую из задач некоего данного комплекса задач, не ведущее к ухудшению его способности решать какую-либо другую задачу из этого комплекса. Это соответствует улучшению эпистемической позиции субъекта относительно данного комплекса задач. Однако может быть так, что это улучшение будет ухудшением эпистемической позиции данного субъекта относительно какого-то другого комплекса задач или же приведет к ухудшению какой-то эпистемической позиции другого субъекта, на которого данный субъект имеет влияние¹⁵. Если задачи, относительно решения которых позиция субъекта, таким образом, ухудшилась, относятся к числу тех, которые он действительно должен будет или с большой вероятностью будет решать и, соответственно, означенное ухудшение не является исключительно потенциальным, подобное улучшение эпистемической позиции затруднительно однозначно трактовать как эпистемическое достиже-

¹⁴ Конечно, несколько странно звучит предложение считать, что кто-то может знать то, о чем у него еще нет даже четкого представления; ведь представление – лишь одна из возможных форм знания. Но речь здесь не идет о задачах, которые только могли бы быть решены на данной позиции: если субъект может поставить или понять задачу, то он, стало быть, уже имеет какое-то представление о предмете: считать или не считать это его начальным знанием этого предмета – вопрос теории или языковой практики. Я не вижу здесь особой проблемы.

¹⁵ Самый простой случай такого влияния: если один субъект X – индивид, а второй C – сообщество, частью которого он является, X является образцом для подражания в C и модернизирует свой метод настолько, что тот обеспечивает ему стопроцентный успех в решении вопроса «Р?» например; но в силу того, что применение этого нового метода требует особых талантов, которые есть у X , но отсутствуют у большинства членов C , их использование этого метода сделает их успехи в решении соответствующих задач менее вероятными, чем если бы они продолжали пользоваться своими прежними методами.

ние – даже данного субъекта самого по себе. Но здесь вполне можно допустить то, что кажется достаточно правдоподобным: а именно, что значительная часть улучшений такого рода все же представляет собой эпистемические достижения в указанном смысле.

Поскольку улучшение эпистемической позиции – одна из задач, которые может ставить перед собой субъект или которые может ставить перед ним жизнь, для ее решения также нужна определенная эпистемическая позиция. Соответственно, если она обеспечивает улучшение какой-то эпистемической позиции субъекта, ее в рамках данного подхода уместно (при прочих равных) считать знанием весьма широкого класса предметов: всего того нового, что субъект может узнать на данной – улучшенной – эпистемической позиции.

Под знанием в абсолютном смысле при таком подходе уместно понимать не какую-то конкретную способность или способ получения результата, а превосходную во всех релевантных отношениях эпистемическую позицию¹⁶. Можно быть вполне сносным ездоком на велосипеде, но велосипедистом мы назовем, скорее, спортсмена, который отличается умением правильно распределять силы, оценивать дистанцию, ориентироваться на местности и т.д. и т.п. Вся совокупность навыков и умений использовать информацию, которую дают ему его собственный организм и окружающая реальность, с максимальной эффективностью для решения задачи как можно более быстрого и нетравматического преодоления дистанции на велосипеде, и есть с этой точки зрения его знание, как ездить на велосипеде, или, иначе, мастерство.

Так же точно субъект, находящийся в такой эпистемической позиции по отношению к определенным источникам информации или предмету исследовательского интереса, которая позволяет ему использовать информацию этих источников или доступную информацию о предмете с максимальной пользой, определяемой целями познания (которые могут и не совпадать с его текущими целеполаганиями), может знать соответствующее положение дел – причем не только тогда, когда он выскажет или примет соответствующее суждение или продемонстрирует своим поведением согласие с ним, а уже тогда, когда его эпистемическая позиция оказывается достаточно хорошей для решения соответствующих задач независимо от фактических результатов¹⁷. Можно, конечно, дополнить это условие требованием придерживаться наивысших из имеющихся познавательных стандартов, но это вряд ли ослабит общий релятивизм концепции, так как вариация эпистемических

¹⁶ Понятие способности – один из «подводных камней» данного подхода: как, в самом деле, определить, когда уместно приписывать способность решать ту или иную задачу, в том числе и превосходную степень обладания этой способностью; здесь возможны разные критерии и разные подходы. Поэтому я склоняюсь больше к тому, чтобы отождествлять со знанием эпистемическую позицию, обеспечивающую превосходную степень способности, чем саму способность какого-либо типа. Но и понятие эпистемической позиции тоже нуждается в серьезном анализе, так как его можно интерпретировать, например, как другое название некоего комплекса способностей.

¹⁷ Другое дело, что сказать, когда она достаточно хороша, не имея практических результатов, мы обычно не можем.

стандартов также не обязательно должна быть подчинена какой-то собственно эпистемической рациональности.

Общий функционализм, в принципе, не обязывает предписывать знанию единственную функцию, независимо от исторических, эволюционных и прочих изменений, и проводить различия между эпистемическими целями по принципу универсальной приоритетности одних и подчиненности других. Относительно любого заданного набора таких целей разные формы взаимодействия с информацией (или в более общем виде – предметом познания) могут быть взаимно заменимы как формы знания, если они *функционально эквивалентны*, т.е. с одинаковой эффективностью обеспечивают решение соответствующих задач в заданных условиях.

Вопрос в том – как определять релевантный контекст функциональной вариации для знания. Популярное предложение, нашедшее отражение в ряде теорий, состоит в том, чтобы считать таким контекстом социальный: общество устанавливает как нормы и стандарты познания, так и роли, отведенные знанию, и, соответственно, требования, которые разумно к нему предъявлять. Другое известное предложение возлагает ответственность за понимание знания на особенности языка познания – иначе говоря, его концептуальную схему. В этом случае базовый контекст функциональной вариации знания уместно назвать логическим. Однако общий функционализм не обязывает отдавать приоритет какому-то определенному контексту такого рода перед другими: причины, по которым могут изменяться и меняются функции знания, сами не обязательно должны иметь эпистемическую ценность. В конце концов, нет никакой необходимости, чтобы познание на *любом* уровне организации подчинялось каким-то нормам рациональности.

Таким образом, общий функционализм в теории знания, если последовательно реализован, все же представляет собой довольно сильную версию релятивизма. Это, конечно, делает уместным вопрос: «А стоит ли платить такую цену за устранение формальных разногласий?» Ответ на него, по моему, зависит от того, насколько ценной мы считаем универсальную эпистемическую рациональность саму по себе. Мне кажется, для эпистемологии все же гораздо важнее дать ориентиры эпистемической рациональности и образцы знания, пригодные для какого-то определенного набора условий познания (желательно тех, в которых *мы* действуем или будем действовать в дальнейшем); и в этом отношении общий функционализм выглядит вполне адекватной альтернативой формальным разногласиям.

Литература

1. Никифоров А.Л. Анализ понятия знания: подходы и проблемы // Эпистемология & философия науки. 2009. №2.
2. Платон. Сочинения: В 3 т. М., 1970.
3. Lewis C.I. An Analysis of Knowledge and Valuation. LA Salle. Illinois: Open Court, 1946.
4. Chisholm R. Foundations of Knowing. Minneapolis, 1982.
5. Nagel T. The View from Nowhere. Oxford University Press, 1986.
6. Goldman A. Epistemology and Cognition. Cambridge. MA: MIT Press, 1986.
7. Chisholm R. Theory of Knowledge. Englewood Cliffs. N.J.: Prentice-Hall, 1977.
8. Lewis D. Convention: A Philosophical Study. Blackwell Publishers, 2002.